

Паркер
С. ХАНТИНГТОН

**Коварная
ЛОЖЬ**

Дикие сердца

Паркер С. ХАНТИНГТОН

Коварная ложь

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хантингтон П.

Коварная ложь / П. Хантингтон — «Издательство АСТ»,
2019 — (Дикие сердца)

ISBN 978-5-17-138515-6

У меня был план, как выбраться из френдзоны. Шаг первый: прокрасться в комнату Рида. Шаг второй: переспать с ним. Но когда зажегся свет, я увидела незнакомые голубые глаза. Взгляд был темным, злым и полным демонов. И принадлежал он брату Рида, который был намного старше. Четыре года спустя Нэш Прескотт уже не обозленный сын прислуги. А я – не самая дорогая красотка города. В двадцать два я на мели и нуждаюсь в работе. В тридцать два он – миллиардер и жаждет возмездия. Кого волнует то, что моя семья уничтожила его семью? Кого волнует то, что он смотрит на меня с чистой ненавистью? Кого волнует то, что каждое его поручение дано, чтобы мучить меня? Мне нужны деньги. Все очень просто. Я буду терпеть его жестокость, зная, что есть нечто, чего он жаждет сильнее мести... Меня.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-138515-6

© Хантингтон П., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Плейлист	6
Авторская заметка	7
Предисловие	8
ЧАСТЬ 1	9
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	25
ЧАСТЬ 2	32
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Паркер С. Хантингтон

Коварная ложь

Parker S. Huntington

DEVIOUS LIES

Печатается с разрешения литературных агентств *Brower Literary & Management Inc.*, и *Andrew Nurnberg*

Copyright © 2019 by Parker S. Huntington

The moral rights of the author have been asserted

© Н. Болдырева, перевод на русский язык

В оформлении издания использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Эта книга – художественный вымысел. Имена, персонажи, места и события – плод воображения автора или использованы как часть вымысла. Любое сходство с реальными людьми, живущими или умершими, событиями или местами – совершенно случайно.

Автор признает товарные знаки и владельцев товарных знаков различных продуктов, брендов и ресторанов, упомянутых в художественном произведении. Использование этих товарных знаков в публикации не санкционировано, не связано с владельцами этих товарных знаков и не спонсируется ими.

Плейлист

First Man – CamillaCabello
Lifeline – We Three
Sober – Demi Lovato
Not About Angels – Birdy
All My Friends – Dermot Kennedy
A Drop in the Ocean – Ron Pope
when the party's over – Billie Eilish
Skinny Love – Birdy
you were good to me – Jeremy Zucker
lovely – Billie Eilish (w/Khalid)
Somebody to Love – OneRepublic
Outnumbered – Dermot Kennedy
Beside You – 5 Seconds of Summer
All I Want – A Day to Remember
Out of the Woods – Taylor Swift
Darkest Days – MADI
Boston – Dermot Kennedy
I Feel Like I'm Drowning – T w o F e e t
Somewhere With You – Kenny Chesney
Lover – Taylor Swift
Hot girl bummer – blackbear
Ocean Eyes (Remix) – Billie Eilish & blackbear
THAT BITCH – Bea Miller
Rome – Dermot Kennedy

Слушать на «Спотифай»
Through the Trees – Low Shoulder
Lover (Cover) – Dermot Kennedy

Авторская заметка

Привет, читатели!

Эта книга задумывалась как продолжение романа «Весенний флирт», пока я не отказалась от этой затеи и не начала все с нуля. Пожалуй, это было одно из самых безумных решений в этом году. Впереди маячил дедлайн. Я понятия не имела, как начну и уж тем более – как закончу роман. А затем это случилось, что-то щелкнуло. Слова не потекли из меня. Они *ринулись потоком*. Я не смогла бы остановиться, даже если бы попыталась.

Сто сорок пять тысяч слов. Я писала быстрее, чем когда-либо в жизни. В какой-то момент я настолько быстро отправляла главы своей армии бета-ридеров и редакторов, что они не поспевали за мной. ЛЮЛ. Настолько много Нэш и Эмери говорили со мной.

Обычно я начинаю роман, точно зная, что хочу донести до читателей. Но в этот раз идея начала расплываться и превратилась в нечто совершенно другое.

Судьба. Я так часто слышала это слово, я знаю, что оно означает, я узнаю его, когда вижу. И все же что мне известно о нем на самом деле?

Писать о двоих, чьи жизни во многом схожи, было непросто, ведь я хотела, чтобы все выглядело правдиво.

Так я обнаружила, что ищу другое значение у слова «судьба» – нахожу его в мелочах, а не в тех грандиозных масштабах, о которых часто говорят люди.

И всякий раз, спрашивая себя: «Судьба ли это?» – я также задаюсь вопросом, нет ли тут какого-нибудь урока. К тому моменту, как я завершила книгу, я поняла, что это не важно. Цитируя Лемони Сникета:

«Судьба – словно редко посещаемый ресторан, полный странных маленьких официантов, которые приносят вам то, чего вы не заказывали, и то, что может вам не понравиться».

Жизнь обрушивает на вас столько всего, но вы по-прежнему отвечаете за свои решения. Нэш и Эмери научили меня выбирать то, что сделает меня счастливой. Надеюсь, они научат этому и вас.

Люди всегда будут осуждать. На это повлиять невозможно. Сосредоточьтесь на том, на что вы *можете* влиять.

В конце концов, единственные, кто имеет значение, это вы и те, кому вы небезразличны. Не судьба определяет, как вы относитесь к ним и ставите ли вы их на первое место. Это определяете вы.

Последнее: я надеюсь, что вам понравится книга. Эти двое заняли особое место в моем сердце, поскольку стали первыми персонажами, не связанными с предыдущими историями.

С огромной-огромной любовью,

Паркер

Предисловие

В далеком королевстве две принцессы жили в одном замке. Принцесса Лили носила белые платья, усыпанные тюльпанами, работала волонтером и читала романы при каждой возможности. Принцесса Селия, одетая во все черное, изолировала себя от королевства и включала громкую музыку, так что все охранники отказались защищать ее.

После засухи, длившейся год, ведьма пообещала спас ти королевство, если самая злая из принцесс сдастся ей. Подданные потребовали, чтобы сдалась принцесса Селия. Когда она отказалась, они связали ее и доставили к дверям ведьмы. Но засуха не прекратилась.

– Мы выполнили твои требования, теперь ты выполнишь наши, – сказал потрясенный король.

– Это не самая злая из принцесс – ответила ведьма, – видите ли, принцесса Лили хранила мрачную тайну. Книги, которые она читала, были пиратскими.

Король привез принцессу Лили, ведьма избавила королевство от засухи. И все, кроме принцессы Лили, счастливо жили до конца своих дней. Мораль истории: не будьте принцессой Лили.

Хло, Бау, Роуз и Л. Моим любимым.

Злым принцессам, предпочитающим ножи серебряным ложечкам.

Моему племени воинов, убивающих драконов: Аве Харрисон, Хайди Джонсу, Хизер Паллок, Ли Шену, Харло Рею, Бриттани Уэбб, Дезире Кетчум и Джемме Вулли.

Спасибо вам за то, что вы ужаснулись, когда я озвучила вам свой дедлайн, а потом взяли себя в руки и помогли мне добиться успеха. Эта книга не существовала бы без вас.

Судьба (существительное) – развитие событий, неподконтрольное человеку, иногда считается предопределенной сверхъестественными силами.

Судьба нашептывает воину: «Тебе не устоять против бури» – и воин шепчет в ответ: «Я и есть буря».

ЧАСТЬ 1

Таченда

1. То, о чем нельзя говорить, и то, чего нельзя делать на публике.
2. То, о чем лучше не упоминать.

Слово происходит от латинского причастия *taseo*, обозначающего «я молчу». *Taseo* – это также глагол, означающий «я неподвижен или отдыхаю».

Taseo напоминает: молчание – не признак слабости. Это признак покоя, уверенности, удовлетворения.

Молчание – лучший ответ тем, кто не заслуживает ваших слов.

Глава 1

Нэш

У меня была привычка трогать то, что мне не принадлежит.

Степфордские жены из Истриджа, штат Северная Каролина, умоляли меня сыграть роль скверного мальчишки из неблагополучного района. Если бы мне давали доллар за каждый раз, когда жена, чуть старше двадцати, «для выходов в свет» прибегала ко мне после того, как ее муж, шестидесяти с небольшим, уезжал «по делам», я бы не оказался в такой ситуации.

В моменты, когда я чувствовал раздражение, пресыщаясь дизайном того-сего, десятичасовой работой, которой занимался каждый день, чтобы оплатить кредит на обучение в аспирантуре, тем, что мать, имея всего лишь пару изношенных кроссовок «Нью Баланс», по-прежнему находила пару лишних баксов для церковной кружки, я бы не отказался от пары степфордских жен.

«Секс из ненависти» – был бы достойным термином, но никто никогда не мог упрекнуть меня в том, что я веду себя недостойно.

Их падчерицы, практически того же возраста, что и они, приходили ко мне, текущие и жаждущие, в поисках того, чем можно было бы похвастаться перед подругами.

Я не отказывал им, хотя мне они нравились меньше. Они искали развлечений, тогда как их мачехи жаждали спасения. Одни были расчетливы, другие – необузданны.

И, несмотря на то, как сильно я ненавидел этот город и его обитателей в винирах от «Мидас», которыми они красовались, словно норковой шубой, я никогда не заходил настолько далеко, чтобы оставить себе то, к чему притронулся. Так было вплоть до сегодняшнего вечера и гроссбуха, который я украл у босса моих родителей, Гидеона Уинтропа.

Гидеон Уинтроп – предприниматель, миллиардер, человек, который практически управлял Истриджем, и кусок дерьма.

На посеребренном мраморе особняка Гидеона была установлена серебряная статуя Диониса верхом на тигре, выполненного из электрума и золота. На лапах тигра скульптор изобразил последователей божественного культа, и это удивительно напоминало культ богатства Истриджа.

Я спрятался за четвероногой тварью, сунув руки в рваные джинсы, подслушивая разговор Гидеона Уинтропа с его деловым партнером, Бальтазаром Ван Дореном.

Хотя они прохладжались в кабинете, куря дорогие сигары, голос Гидеона гремел из открытой двери в фойе, где я стоял, прислонившись к тигриной заднице. Прячься, поскольку секреты в Истридже – это валюта.

Я не планировал шпионить в этот свой еженедельный визит к родителям, но жена Гидеона любила угрожать маме и папе увольнением. Было бы неплохо хоть раз взять над ней верх.

– Слишком много денег ушло. – Гидеон отхлебнул из стакана. – «Уинтроп Текстиль» рухнет. Может, не завтра и не послезавтра, но это случится.

– Гидеон.

Он перебил Бальтазара:

– С закрытием предприятия все, кого мы нанимаем, весь чертов город потеряет работу. И сбережения, которые они в нас вложили. Все.

Перевожу: мои родители останутся без работы, без дома и без денег.

– Пока нет доказательств растраты... – начал Бальтазар, но я не стал задерживаться, чтобы услышать остальное.

Подонки.

Отец с матерью все свои сбережения вложили в акции «Уинтроп Текстиль». Если компания рухнет, рухнут и их накопления.

Я вышел из фойе так же тихо, как и пришел, проскользнув мимо кухни в прачечную Уинтропов, где ма оставила старый костюм, подаренный мне Гидеоном для сегодняшнего котильона.

Я надел его, остановился у кладовой и сунул косяк, конфискованный на прошлой неделе у помешанной на селфи школьной подружки моего брата Рида, во внешний карман чемодана, который Гидеон брал в свои деловые поездки. Маленький подарок Администрации транспортной безопасности. А еще говорят, будто я безжалостен.

После того как Гидеон, наконец, уехал на котильон своей дочери, я, не раздумывая, пробрался в его кабинет, чтобы обыскать его. Восемь лет назад, когда моя семья переехала в коттедж на краю поместья Уинтропов, я поставил себе цель – завладеть каждым ключом, каждым паролем, каждым секретом этого особняка.

Ма управляла домом, тогда как па поддерживал порядок на территории. Изготовить копии их ключей не составило труда. Однако, чтобы добыть пароль к сейфу в офисе, пришлось придумать правдоподобную игру для Рида и его лучшей подруги, дочери Гидеона.

Я ввел код и просмотрел содержимое сейфа: паспорта, свидетельства о рождении и карточки социального страхования. *Скукота*. В ящиках стола не было ничего интересного, кроме досье сотрудников. Я целиком вынул верхний ящик и ощупал паз.

Я как раз заканчивал свои поиски, когда мои пальцы коснулись маслянистой кожи.

Отодрав клейкую ленту, я вцепился в кожу и вытащил ее из дыры. Поднесенный к свету, журнал мог похвастаться пылью на обложке и ничем больше. Ни названия. Ни бренда. Ни логотипа.

Я открыл его, окинув взглядом ряды букв и цифр. Кто-то вел двойную бухгалтерию.

Гроссбух.

Рычаг.

Доказательство.

Разрушение.

Я не чувствовал вины, крадя то, что мне не принадлежало. Не в тот момент, когда владелец этой вещи мог уничтожить все, а мои родители находились под ударом. Одетый в костюм Гидеона, выходя из его особняка с его гроссбухом, спрятанным во внутреннем кармане, я выглядел, как настоящий житель Истриджа.

Когда ма позвонила, я ничего ей не сказал, пока она умоляла меня:

– Пожалуйста, Нэш. Пожалуйста, не устраивай сегодня сцен. Ты там, чтобы отвезти Рида домой, если что-то пойдет не так. Ты знаешь, как ведут себя истриджские детки. Ты ведь не хочешь, чтобы у твоего брата были проблемы.

Перевод: богатые детки напиваются, находят неприятности, а парень в подержанной униформе и с академической стипендией берет вину на себя. Старо как мир.

Я мог бы признаться во всем тогда, рассказать маме о том, что сделал Гидеон.

Я не стал.

Я был Сизифом.

Умелым.

Лживым.

Вором.

Я не пытался обмануть смерть, я украл у Уинтропа.

Оказалось, это гораздо опаснее. Мне, в отличие от Сизифа, не грозила вечная кара за мои грехи.

Гроссбух был не тяжелее тощей книжки в мягкой обложке, но, когда я пробирался меж столами в бальном зале, он давил на мой карман, заставляя задуматься, что делать мне с тем, что я узнал.

Я мог передать его соответствующим органам и уничтожить Уинтропов, предупредив родителей, чтобы они нашли новую работу и продали акции «Уинтроп Текстиль», или же оставить эти знания при себе.

И я предпочел второе, пока не составлю план. Море одетых в костюмы бизнесменов и женщин с маникюром – рожденных, выросших и воспитанных в Истридже, штат Северная Каролина, чтобы стать всего лишь «женой для светских раутов», – сливались в одну сплошную массу. Никто из них не вызывал у меня интереса.

Но все же я проводил ладонью по обнаженной спине степфордской жены, чтобы отвлечься от факта, что я украл нечто у самого могущественного человека Северной Каролины, одного из самых могущественных людей Америки.

От моего прикосновения губы Катрины приоткрылись, она судорожно вздохнула, так, что Вирджиния Уинтроп бросила в мою сторону ледяной взгляд. За своим столиком падчерица Катрины, Бэзил, яростно вонзила нож в свой бледный премиальный стейк от «Кобе», не сводя глаз с кончиков моих пальцев, поглаживающих обнаженную спину Катрин.

Стейк напомнил мне о моем младшем брате: блестящем снаружи, полном крови и готовом лопнуть от малейшего надреза. Тем не менее его взбалмошная подружка не станет первой, кто его попробует.

Как только Рид вынет голову из задницы и поймет, что Эмери Уинтроп влюблена в него, она заполучит его сердце.

Девушки вроде Бэзил Беркшир – пит-стопы. Они наполняют тебя горячим и помогают в дороге, но не они конечный пункт назначения.

Девушки вроде Эмери Уинтроп были финишной прямой, целью, ради которой трудишься, местом, которого стремишься достичь, улыбкой, которую видишь, закрывая глаза и спрашивая себя, ради чего стараться.

Риду было всего пятнадцать. У него было время, чтобы узнать все это.

– За детским столиком есть место, – предложила Вирджиния, держа двумя пальцами бокал с винтажным брютотом «Крюг».

Она напоминала статую Геры, которую мой отец, по ее настоянию, поставил в центре зеленого лабиринта на заднем дворе Уинтропов. Бледная красавица, застывшая возвышающейся стройной фигурой. Вирджиния выпрямляла свои светлые волосы так, что они стали зеркальным отражением бамбуковых шпажек, касающихся ее плеч.

Блестящие пряди качнулись, когда она кивнула на стол, за которым сидела ее дочь. Дочь, которую она превратила в свою точную копию. Но у Эмери были свои особенности, проскальзывавшие порой, словно солнечный свет, проникающий в тюремную камеру через единственную расщелину в стене.

Выразительное лицо.

Слишком большие глаза.

Необычная серая радужка была заметна только вблизи, но я однажды подслушал, как Вирджиния требовала от дочери скрывать ее цветными линзами, повторяющими цвет ее собственных голубых глаз. Даже сидя на одном уровне с Катриной, Вирджиния все равно как-то умудрилась взглянуть на нее свысока, бросив мне:

– Можешь сесть за детским столом.

Мой палец дернулся в искушении трахнуть Катрину за «столом для взрослых», чтобы спровоцировать ее, поскольку я не сомневался: Вирджиния принимала участие в растратах своего мужа. Если Гидеон Уинтроп был главой «Уинтроп Текстиль», то Вирджиния Уинтроп была его шеей, крутящейся, как ей заблагорассудится.

Я сдержался, поскольку в моей голове эхом звучали мольбы мамы.

«Не устраивай сцен».

Легче сказать, чем сделать.

Не сказав ни слова, я развернулся и занял место между Ридом и кавалером Эмери, Эйблом Картрайтом. Эйбл казался таким же скользким, как и его отец – адвокат. Черные глазобусинки и светлые волосы, зачесанные назад, будто он пришел с прослушивания на роль стервятника во второсортном фильме Лоуренса Хантингтона.

– Братишка. Эмери, – я кивнул Риду и Эмери, затем изогнул бровь в сторону остального стола, где несколько подростков отчаянно пытались скрыть возраст под пятью фунтами косметики. – Малолетки.

Раскрасневшиеся щеки Бэзил контрастировали с почти белыми волосами. На ней было достаточно духов, чтобы окурить целый спортзал. Они убили мои обонятельные рецепторы, когда она склонилась ко мне и захихикала в ладонь.

– О, Нэш, ты такой забавный.

Я отвернулся от нее, эффектно окончив разговор. Принялся изучать Эмери, находящуюся через одно место от меня. Она сидела, нахмутив брови и сложив руки на коленях, пытаясь развернуть мини-шоколадку «Сникерс», не привлекая внимания к контрабандным конфетам.

Я задался вопросом: знает ли она, что задумали ее родители?

Вероятно, нет.

Ма однажды сказала мне, что люди хотят поступать правильно.

– Это человеческий инстинкт, – сказала она, – стремиться правильно поступать с другими, угождать другим, нести радость.

Милая, наивная Бетти Прескотт.

Дочь священника, она выросла, проводя свободное время за изучением Библии, и вышла замуж за алтарного служку. Я жил в реальном мире, где богатые засранцы трахали людишек в задницу без смазки и ожидали, что после этого их поблагодарят.

Отец Эмери? Он умел держать фасад. Благотворительность, волонтерство, солнечная улыбка. Когда-то я считал Гидеона другим. И посмотрите, как я ошибался.

Но Эмери Уинтроп... Из-за нее я задумался, что делать с гроссбухом в кармане. Она все усложняла.

Не то чтобы я был особо привязан к ней. За последние восемь лет мы разговаривали, может, пару раз, но я любил Рида, а Эмери знала лучше всех, как любить Рида.

Все свое детство она делилась с ним деньгами на ланч и нанимала ради него репетитора, который ей вовсе не был нужен. Дерьмовая школа, из которой мы перевелись, оставила Рида с отставанием почти в два класса. Даже в семь лет Эмери понимала, что единственный способ нанять репетитора для моего брата – притвориться, будто репетитор нужен ей, чтобы родители оплачивали эти уроки.

Все, что ранит Эмери, ранит и Рида. Простая математика. И как бы я ни был измучен, как бы ни ненавидел Истридж и людей в этом бальном зале, я не ненавидел девушку, преданную до безрассудства, девушку с тысячелетней мудростью, накопленной к всего лишь пятнадцати годам, девушку, которая любила моего младшего брата.

– Эмери, – начала Бэзил после того, как я проигнорировал ее. – Я слышала о твоём провале в классе Шнауцера. Лентяйка.

Шнауцер. Откуда я знаю это имя?

Рид склонился к Бэзил, понизив голос до шепота, который мог услышать каждый.

– Это невежливо, дорогая, – у него и так был северокаролинский акцент, но он каким-то образом умудрился усилить его.

– Слышите этот шум? – Эмери склонила голову набок. Сдвинула брови в притворной сосредоточенности.

Эйбл склонился к Эмери.

– Какой шум?

– Раздражающее жужжание.

– Похоже на комара, – предположил я, склонившись над Картрайтом, выхватив минисникерс из пальцев Эмери и сунув его в рот.

– Нет, это не комар, – она отблагодарила меня блеском в глазах. Мимолетный салют солидарности, прежде чем перевести взгляд на Бэзил. Она была убийственна, – всего лишь Бэзил.

Бэзил дернулась вперед в тот момент, когда я вспомнил, кто такой Шнауцер, и прервал ту глупость, которую она собиралась извергнуть.

– Это не Дик Шнауцер, замещающий учитель химии? Ублюдок, ставящий отлично лишь за минет. А те, кто не соглашается, те, ну... – Я вскинул бровь в сторону Бэзил. – Эй, а у тебя ведь отлично по химии, так?

Взгляд Бэзил обратился к Риду. Она ждала, что он защитит ее. Он переводил взгляд с меня на Бэзил и Эмери так беспомощно, что я невольно задался вопросом, родные ли мы братья. Но, возможно, за ним присматривала высшая сила, потому что Вирджиния выбрала этот момент, чтобы вторгнуться за наш стол.

Ее глаза скользнули по нетронутым холодным супам с укропом, как будто те свидетельствовали о ее некомпетентности в качестве председателя «Общества молодежи Истриджа». Возможно, так оно и было, поскольку ни один здравомыслящий человек, взглянув на меню, не скажет: «Я бы хотел холодного супа с укропом, пожалуйста».

– Эмери, дорогая, – она повернулась к дочери и заправила ей за ухо выбившуюся из прически прядь. Словно в живом продолжении фильма «Вторжение похитителей тел», у Вирджинии была целая команда стилистов, создававшая идеальный в ее понимании образ Эмери.

Прежде чем я уехал из Истриджа учиться в аспирантуре, я многие годы жил в коттедже моей семьи: с самого поступления в Истриджскую подготовительную школу и вплоть до тех четырех лет, которые я, экономя деньги, потратил на поездки в государственный университет.

Достаточно, чтобы стать многочасовым свидетелем того, как Эмери выщипывали, окрашивали, преобразали в такое тело, в которое могла бы переселиться Вирджиния... Или что там она планировала для своей дочери. Вероятно, уморить ее высшим обществом Истриджа.

– Да, мама? – Эмери не смотрела на мать с любовью. Она смотрела на нее со смирением. Взглядом, которым ты смотришь на копа, который тормозит тебя за превышение скорости на пять миль. Презрение, прикрытое вежливостью.

Клянусь, тот слабенький внутренний стержень, который был у Рида, появился благодаря близости с Эмери.

– Будь добра, сбегай для меня в офис? – Вирджиния лизнула большой палец и смахнула со лба Эмери выбившуюся прядь волос. – Мне нужна тиара, короновать дебютантку года.

Дебютантка года. Как будто кому-то был нужен этот титул.

Взгляд Эмери метнулся от Рида к Бэзил настолько очевидно, что я не смог удержаться от смеха. Она хмуро взглянула на меня, затем повернулась к Вирджинии.

– А ты не можешь попросить кого-нибудь из обслуги?

– О. – Вирджиния вцепилась в жемчуг, сдавливавший ее шею. – Не глупи. Как будто я доверю обслуге код от сейфа.

– Но...

– Эмери, мне что, послать тебя на урок этикета к мисс Чатни?

Мисс Чатни была строгой, жестокой дамой, которая делала из девочек Истриджа женщин с трусами «Ла Перла» в заднице. Синяков она не оставляла, но ходили слухи, что она расхаживает с линейкой, которой хлопает по запястьям, шеям и любой чувствительной плоти, до которой может дотянуться.

Эйбл отодвинул стул.

– Я могу принести ее, миссис Уинтроп.

– Прекрасная мысль! – проворковала Вирджиния. – Эйбл пойдет с тобой, Эмери. А теперь беги. – Лицо Вирджинии оставалось застывшим, будто кто-то подмешал ей в ботокс клея.

Эмери распахнула глаза в раздражении. Серый взгляд потемнел, а голубой стал ярче. Она пробормотала несколько слов, которых я не смог разобрать, но звучали они зло. На секунду мне показалось, что сейчас она меня удивит.

На самом деле что-то внутри меня хотело, чтобы она удивила меня, чтобы восстановить веру в мир, в котором такие как Гидеон торжествуют над Хэнком и Бетти Пресскотт.

Но Эмери отодвинула стул и позволила Эйблу взять себя под руку, будто у нас восемнадцатый век и ей нужен чертов эскорт, чтобы пойти куда-то. Вызов исчез из ее взгляда.

В этот момент она совсем не была похожа на ту восьмилетнюю девочку, которая ударила Эйбла по лицу за то, что он украл ланч у Рида.

Я с отстраненным интересом наблюдал, как Эмери подчиняется воле Вирджинии.

Она ничем не отличалась от остального чертова Истриджа.

Глава 2

Эмери

Иногда я задавалась вопросом: может быть, Истридж – это не маленький провинциальный городок в Северной Каролине, а круг ада Данте? Преисподняя. У этой теории была единственная проблема – жители Истриджа не ограничивались одним грехом.

Похоть.

Чревоугодие.

Алчность.

Гнев.

Насилие.

Мошенничество.

Предательство.

Даже ересь, если уж быть совсем откровенной. Большинство жителей Истриджа, возможно, и причисляют себя к христианам, но, безусловно, ведут себя не по-христиански, задирая нос, когда помогают другой половине Истриджа: половине, которая до сих пор спит в домах, поврежденных два года назад ураганом; половине, у которой зарплаты, получаемой на папиной текстильной фабрике, хватает лишь на еду.

Возьмем для примера сегодняшний вечер. Котильоны ны представляют дебютанток обществу, но все мы живем здесь с самого рождения. Эти котильоны нужны нам, как прошлогодний снег.

Бутылка бурбона чуть не грохнулась из бара папы, но Эйбл поймал ее и поднял так, будто собирался опрокинуть.

– Я выпью?

– Делай что хочешь, – пробормотала я, наклоняясь, чтобы добраться до стенного сейфа, расположенного за столом.

Я все еще не была уверена, отцовский это кабинет или матери, но они впились когтями во все в Истридже. Даже в «Общество молодежи Истриджа», ответвление «Истриджского деревенского клуба».

Эйбл позади меня сделал добрый глоток бурбона. Я набрала код, который мама шепнула мне несколько минут назад. Звук его шагов по деревянному полу я услышала прежде, чем его рука легла мне на спину.

Я оттолкнула ее, легонько шлепнув.

– Извини, я ввожу код. Отвернись.

Я выругалась, набрав не ту комбинацию. Пришлось вводить заново.

Звук глотков Эйбла, высасывающего бутылку, словно новый член студенческого братства, наполнил комнату.

– Да ладно, Эм, не будь такой.

Голосом Адама Сэндлера из «Никки, дьявол-младший» я могла бы привести тысячу и одну причину, по которой Эйбл не мог найти подругу, чтобы зажить нормально. Он был моим парнем потому, что его отец был адвокатом моего отца, кроме того, он противостоял всем приказам моей матери, постоянно изматывавшей меня попытками подчинить себе.

«Покрась волосы в мой цвет».

«Может, еще одна жидкая диета избавит тебя от детского жирка».

«Ты пригласишь на котильон Эйбла Картрайта, не так ли?»

«Будь умницей, принеси тиару».

Вероятно, единственное разумное требование, предъявленное мне за последнее время.

Я прикусила язык и сделала, как она хотела, потому что мои планы на университет и карьеру в дизайне требовали денег. Как лицо, распоряжающееся моим трастовым фондом, мать могла оставить меня на мели.

Тем не менее молчаливые протесты были моим хлебом насущным. Надеть платье с пятном. Взять вилку для выпечки вместо вилки для рыбы. Говорить странные фразы в неподходящий момент. Все что угодно, лишь бы вздулась извивающаяся жилка на виске матери.

– Меня зовут Эмери, – поправила я, проклиная мамин выбор моих друзей. – Отвернись.

– Ладно. – Он закатил глаза. Я уже чувствовала запах перегара из его рта. – Но это отстой.

Не. Должна. Огрызаться.

Я смахнула с лица прядь волос и попробовала другую комбинацию.

«Код – день твоего рождения, моя сладкая», твою мать.

Следовало догадаться, что мать понятия не имеет, когда у меня день рождения.

– Это котильон, Эйбл. – Я вбила дату рождения отца, но экран дважды моргнул красным, дразня меня. – На нем не должно быть весело.

Папа называл это «жизненно важным общением», сочувственно глядя, как парикмахер укрощает мои волосы с помощью того, что можно было описать только как «инструмент для укрощения диких животных».

Мать не утруждала себя фальшивыми извинениями, напомнив стилисту подкрасить мои «кошмарные» темные корни и добавить «больше света», чтобы мой оттенок волос точно соответствовал ее блонду.

– Эмери, – простонал Эйбл. Я наконец ввела верный код – день рождения матери – и вынула тигру вместе с ее бархатной коробкой. – Давай уйдем отсюда. Мои родители останутся здесь – развлекать влиятельных людей Истриджа.

Он наклонился ближе, его насыщенное запахом бурбона дыхание ласкало мою щеку и шею.

– Мой особняк будет в полном нашем распоряжении.

– Ты имеешь в виду особняк твоего отца? – Я выпрямилась и шагнула назад, когда осознала, насколько близко он стоял. – Можешь идти домой. А я должна остаться.

Мой разум обожгло воспоминание о пальцах Бэзил, стискивающих бедро Рида. Мы ели суп. Кто лапает чужие бедра за холодным супом из укропа? Я не оставлю эту ненормальную наедине со своим лучшим другом.

– Детка...

– Эмери. – Я покачала головой. – Просто Эмери. Не Эм. Не «детка». Не «Эмери» плаксивым тоном. Не «Эмери» со стоном. Просто. Эмери.

Я увернулась влево, чтобы проскользнуть мимо него, но его ладони врезались в стену по обе стороны от меня, заключая меня в клетку.

– Хорошо. Ну, давай же, просто Эмери.

Мои конечности сковал приступ страха. Я избавилась от него так же быстро, как он появился.

– Отойди.

Он не тронулся.

– Отойди, – вновь потребовала я. На этот раз тверже.

По-прежнему ничего.

Я закатила глаза и толкнула его в грудь, стараясь сохранить спокойствие, но двести фунтов южного полузащитника не сдвинулись с места.

– От тебя несет, как от пивоварни, твои подмышки тоже воняют, и я бы предпочла вернуться на гребаный котильон, чем оставаться тут.

Когда он прищурился, я переосмыслила свои слова и тот миллионный раз, когда мой длинный язык довел меня до беды. Я знаю Эйбла всю свою жизнь. Он не причинит мне вреда. Так ведь?

– Слушай, – начала я, блуждая взглядом по комнате в поисках того, что могло бы спасти меня. Ничего. – Я должна принести эту тиару, иначе моя мать взбесится и пошлет за мной всех.
Ложь.

Мать больше всего хотела, чтобы я вышла за Эйбла и нарожала двух-трех голубоглазых блондинистых детишек. Пусть даже ради этого ее пятнадцатилетней дочери придется прелюбодействовать в кабинете молодежного общества.

Я усмехнулась, как будто меня совершенно не волновало то, что Эйбл еще одним шагом сократил расстояние и прижался ко мне всем своим телом. Алкоголь в его дыхании мог усыпить слона. Я не чувствовала ничего больше, когда он склонился и запечатлел небрежный, влажный поцелуй на кончике моего носа. Его слюна попала мне в ноздри, и я никогда не чувствовала ничего более отвратительного.

Мой взгляд метнулся к бутылке бурбона на столе позади него. Там почти ничего не осталось. Я молилась всем высшим силам, какие только есть, чтобы Эйбл пришел в себя, чтобы он не потерял головы.

– Это не смешно, Эйбл.

Я толкнула его снова, но это было бесполезно. Я весила едва ли сотню фунтов, а он – в двое больше. Я открыла рот, чтобы закричать, но он закрыл его своей мясистой ладонью, прижавшись к моему животу стояком.

Борись, Эмери. Ты можешь.

Я пыталась.

Я брыкалась.

Я царапала его ногтями.

Я кричала, пусть даже его рука заглушала мои крики.

В отчаянии я как можно глубже вонзила зубы в мясистую часть его ладони. Он выругался и отпустил меня настолько, чтобы я успела отбежать на два шага, прежде чем он обхватил рукой мою талию и прижал к себе.

Моя обнаженная спина соприкоснулась с гранитными мускулами. Он протащил меня к столу и нагнул над ним. Мои ладони громко шлепнули по красному дереву. Я едва успела подставить их под голову, чтобы смягчить удар. Это не особо помогло.

В глазах помутнело. Я все еще ничего не могла разглядеть, когда Эйбл разорвал мое платье сзади и начал осыпать мое тело тошнотворными поцелуями. От них по моей коже расплылись замысловатые созвездия из слюны.

Крик застрял в моем горле. Я могла бы кричать, но мы были слишком далеко, чтобы меня кто-то услышал, и он бы снова зажал мне рот.

Сменив тактику, я взмолилась:

– Губы.

– Хм?

Его язык прокладывал дорожку вдоль моего позвоночника.

– Губы. Поцелуй меня в губы.

Эйбл перевернул меня и воткнулся своей эрекцией мне в живот.

– Эмери Уинтроп. Так жаждет угодить. Кто бы мог подумать? – Он позволил мне провести рукой по его волосам, когда я потянулась навстречу его поцелую, привстав на носочках, чтобы достать до его губ, невзирая на свой рост. Он застонал мне в губы, одна его ладонь расположилась на моей заднице, другой он отчаянно пытался расстегнуть молнию на брюках.

Я накрыла его неловкие пальцы своими, отодвинув их в сторону, и потянула вниз молнию его брюк. Когда они упали у его ног вместе с трусами, я ударила его коленом по яйцам так сильно, как только могла.

Шок искажил его лицо. Я воспользовалась возможностью снова ударить его. Я отказывалась быть девушкой из фильма ужасов, которая умерла потому, что не решалась убить. Я не взглянула, как Эйбл рухнул на пол.

Опрокинув на него стул и задрав подол своего изодранного платья так высоко, как только можно, я ринулась к коридору, едва успев выскочить за дверь, прежде чем врезалась во что-то твердокаменное.

«Эмери, только ты, – упрекнула я себя, – можешь избежать изнасилования и врезаться в стену».

Я хваталась за все, что могла, чтобы не упасть. Дорогая ткань скользнула под ладонью, прежде чем мои пальцы вцепились в нее, слегка царапнув владельца костюма.

– Тише, Тигр.

Облегчение охватило меня, когда я узнала голос Нэша. Я сморгнула слезы, наворачнувшись на глаза, и смогла постепенно сфокусировать взгляд на Нэше. Время сыграло со мной злую шутку, пока я пыталась собрать его образ, словно лоскутное одеяло.

Нэш Прескотт был красавцем из комиссии: потрепанный и разбитый, он хранил в себе напоминание о чем-то прекрасном, когда смотрел на мир уставшими от войны глазами. Его презрение к Истриджу отражалось на его лице: жесткие черты и бесконечная ярость, которая обычно заставляла меня отводить взгляд.

Женщины Истриджа заискивали перед ним: мертвый взгляд и самоуверенная усмешка. Абсолютная мужественность, окутывавшая его, словно аромат дорогого одеколona. Но когда я смотрела на него, я *видела* нечто печальное. Бесценную рубашку с пятном на груди.

Это был словно комплимент для меня. Было что-то захватывающее в человеке, который видел мир, как он есть. Даже не видя красоты, он видел правду. И поскольку эта правда была заброшена на уродство и несовершенство, я, по большей части, боролась с искушением взглянуть на него.

И тем не менее, когда я была наиболее уязвима, я вдруг увидела его.

От явного гнева золотисто-карие глаза Нэша позеленели, словно арголит и изумруд в калейдоскопе, цвета сменялись, и ни один не мог взять верх. С орлиным носом и полными губами, он был слишком красив, чтобы можно было к нему прикоснуться. И все же я не смогла бы разжать сомкнутые на его предплечьях пальцы, даже если бы попыталась.

Пряди иссиня-черных волос торчали во все стороны, как будто он не потрудился постричься. Коротко стриженные на висках, при этом длинные на макушке, они лежали длинными шелковистыми, небрежными волнами.

«Зарыться пальцами», – подумала я и смутилась, когда поняла, что произнесла это вслух.

Зарыться пальцами – провести по волосам того, кого любишь.

Слово пришло, словно землетрясение, внезапно и непредсказуемо, пошатнув мое и без того треснувшее основание.

Это было нелепо.

Я пялилась не на того Прескотта.

– Твоя мама послала нас за тигрой, – пояснил Рид из-за спины своего брата.

Рид. Мой лучший друг. Лучший игрок школы. Блондин с голубыми глазами, стопроцентно американский южный мальчик с очаровательным протяжным выговором и надежной улыбкой. С ямочками на щеках. По одной на каждой щеке, радующими всех, когда он улыбался.

Рид был тут, и я была в безопасности.

Осознание настоящего момента врезалось в меня так, что я отшатнулась. Казалось, прошел час с тех пор, как я столкнулась с Нэшем, но на самом деле все заняло не более десяти секунд. Нэш поддержал меня, пока я укладывала в голове слова Рида.

Мама послала их.

За тиарой.

Не за мной.

Я ничего не ответила.

Я не могла.

Эту ли правду, это ли уродство видел Нэш, отчего уголки его губ всегда оставались опущены? На мгновение я представила, как сбегу. Никакой подготовки к поступлению. Никакого Дьюкского университета. Никаких пронизанных ожиданиями перспектив стать дизайнером.

Нэш молчал. Его взгляд оценивающе пробежался по мне: растрепанные волосы, тушь на щеках, разорванное модельное пыльно-розовое платье, цвет, который казался милым, когда я вышла из дома, но сейчас смотрелся жалко.

Молчу.

Затаиваюсь.

Проклинаю.

Одними губами я произнесла слова, которыми любила себя успокаивать, позволяя им оформиться, но не выпуская в разрушенную вселенную.

Мои пальцы сжимали пуговицы Нэша, в которых я узнала пуговицы папиного костюма, но я не могла отпустить его. Даже когда мое разорванное платье начало медленно сползать с плеч.

– Ого, Эм. – Рид потянулся и поправил мой корсет.

Что бы он ни сделал, он закрепил его достаточно, чтобы тот перестал спадать, и все же я не могла выпустить руку Нэша.

– Эмери, – поправила я Рида. В моем тоне звучало спокойствие, которого я не ощущала. Отстраненность, в которой я отчаянно нуждалась.

Какой-то отдаленный уголок моего сознания вспомнил, что Рид всегда звал меня Эм.

Это было нормально.

Это было безопасно.

«Ты – Эм.

Ты – Эмери.

Ты в порядке».

– Эмери? – озабоченность в голосе Нэша была искренней.

Я вцепилась в это так же, как цеплялась руками за костюм. Костюм моего отца, он все еще пах папой: смесью кедра и сосны – запах, который поселился в груди. Бальзам на мои нервы. Я прижалась лицом к рубашке и вдыхала, пока не впитала в себя весь папин запах, оставляя единственное – запах Нэша Прескотта.

Цитрус. Мускус. Пьянящая ваниль, которая должна была казаться женственной, но не казалась. Хаос вытеснил все разумные мысли и лишил меня дара речи. Поэтому я сосредоточилась на запахе Нэша, пусть даже мне хотелось спрятаться от унижения под одеялом и никогда не показываться оттуда.

– Эмери... – снова начал Рид, но его прервала распахнувшаяся настежь дверь кабинета.

Скривившись, я склонила голову, приготовившись к удару.

«Прекрати, – приказала я себе. – Эйбл тебя не бил. Он разорвал твоё платье, лапал тебя и швырнул на стол, но не бил».

Я пришла в себя, когда Эйбл застонал. Развернувшись как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выходит из дверей, я нахмурилась, заметив, как он застегивает ширинку, и отпрянула от Нэша.

Злость подпитывала меня, накатывая в такт моему пульсу, пока кулак не сжался от желания ударить Эйбла. Я хотела дать ему пощечину. Наказать его. Лишить его достоинства. Унизить так, как он унизил меня. Я даже представила, как буду выглядеть в оранжевой робе, осужденная на двадцать лет за убийство, и все равно кинулась на Эйбла.

Я отстранилась от Нэша, одним прыжком преодолела разделявшее нас расстояние и ударила его по лицу. Дважды. Нэш встал передо мной, когда я замахнулась для третьей пощечины. Он схватил меня за руку и сразу же отпустил.

Не говоря ни слова, он вынул что-то из внутреннего кармана пиджака и сунул в карман брюк так быстро, что я заметила лишь коричневый отблеск. Он снял пиджак моего отца и набросил его мне на плечи. Никогда в жизни я еще не чувствовала себя таким ребенком.

– Отвези ее домой, Рид.

Нэш вложил в ладонь Рида ключи от своей старой «Хонды» и сжал пальцы Рида, когда тот хотел отказаться. Рид как-то сказал, что машина Нэша, вероятно, единственное, к чему он привязан. Но ключи от нее он отдал, не моргнув глазом.

Эйбл за спиной Нэша попятился, пытаясь ускользнуть, но Нэш схватил его за рубашку и подтащил обратно к нам.

– Нэш, – попытался остановить его Рид. Глаза его полыхали гневом, и в них сверкали агрессивные искорки, которых я никогда не замечала раньше.

Эта свирепость взволновала меня, хотя часть меня боялась, что таким он будет слишком похож на своего старшего брата. Мальчика, который, спотыкаясь, приходил на нашу кухню, чтобы взять льда для разбитых кулаков и синяков под глазами.

– Видела бы ты моего противника, – всегда говорил Нэш с самодовольной ухмылкой, прежде чем исчезнуть через черный ход, и мне приходилось щипать себя, чтобы убедиться, что это не галлюцинация.

Я слишком боялась его, чтобы ябедничать. Даже искушение съесть чашку мороженого без материнского осуждения не могло заманить меня обратно на кухню. Я прекратила полудневные вылазки за едой вплоть до одной ночи, когда Нэш был арестован, и Рид сказал мне, что Бетти Прескотт заставила его поклясться, что он никогда больше не попадет в неприятности.

И он не попадал. Я могла есть свое мороженое в безопасности, а наш лед оставался в неприкосновенности. И с той ночи вплоть до сего дня я больше никогда не разговаривала с Нэшем Прескоттом, если, конечно, это все можно было бы назвать разговором.

– Отвези. Ее. Домой. – Нэш долго и пристально смотрел на Рида, прошла одна, две, три секунды, прежде чем Рид наконец кивнул.

Я осторожно выдохнула, осознав, что понятия не имела, что бы сделал Нэш, если бы Рид не послушал его, и мне вовсе не хотелось это выяснять. Мне понравилось то, как выражение лица Рида снова стало обычным, я была очень благодарна за это.

– Хорошо. – Он еще раз грозно взглянул на Эйбла. – Ладно. Хорошо.

Я почувствовала глоток свежего воздуха, когда Рид переплел свои пальцы с моими. Ощущение удушья исчезло, и его место заняло другое чувство. Как будто что-то вцепилось мне в грудь и вонзило в нее свои когти.

– Я в порядке, – заверила я Рида.

Но это было не так.

Я поняла, что это было за чувство.

Глава 3

Эмери

Любовь.

Мне всегда казалось неправильным то, что люди гонятся за чем-то столь непостоянным. Чем-то, что может сегодня быть, а завтра – исчезнуть.

Любовь напоминала мне машину Нэша: покрытая следами, оставленными прошлым владельцем, обласканная нынешним, но все еще ожидающая часа, когда ее бросят на какой-нибудь свалке в Северной Каролине.

Психолог, к которой мать послала меня, когда мне было одиннадцать и я застучала ее близость с дядей Бальтазаром, сказала мне, что я слишком пристально изучаю жизнь. Мать неплохо заплатила ей, чтобы она держала мой рот на замке. Я подслушала их разговор об этом, когда возвращалась из туалета.

Все это было бессмысленно.

Не имело значения, скажу ли я об этом папе. Горничные сплетничали о ссорах моих родителей, утверждая, что отец бросит мать, как только я окончу школу. Я верила им. Мать с отцом редко разговаривали, а когда говорили, их разговоры крутились только вокруг бизнеса.

Во время сеансов психолог сказала мне, будто дядя Бальтазар – мысленное воплощение моих демонов. И, если вы можете в это поверить, моя мать выступала символом силы. *Силы.*

А близость между дядей Бальтазаром и матерью? По словам сертифицированного психолога Северной Каролины, доктора Дакоты Митчем: сила убивает моих демонов.

Па все планировал. Он просчитывал ходы, словно шахматный гроссмейстер, и парировал атаки с безжалостностью, которой я завидовала. Я решила, что если стану слишком сильно бунтовать до того, как они с матерью разведутся, то создам эффект бабочки. Так что я держала рот на замке, посещала сеансы у психолога и целый час проводила, размышляя над тем, как бы доктор Митчем охарактеризовала «Голодные игры».

Хотя кое-что у доктора Митчем я *усвоила*. Она сказала, мне нужен выход для моего творческого ума. И выход для моих эмоций. Она предложила рисовать. Вместо этого я занялась разглашением чужих тайн.

Принтер для печати на ткани, который па подарил мне на шестнадцатилетие, спал спокойно в недрах шкафа. Я вынула его, стерла толстый слой пыли и напечатала на футболке производства «Уинтроп Текстиль»: «Горизонтальные воскресенья». Когда мать спросила, что это значит, я убедила ее в том, что это название малоизвестной музыкальной группы.

Футболки стали моим способом справляться с бытием, и, в конце концов, они стали способом, которым Рид помогал мне справляться с жизнью. Стать текстильной принцессой Северной Каролины. Мать и не догадывалась. Она ненавидела футболки и запрещала мне выходить из дома в чем бы то ни было, кроме дизайнерских тряпок.

Но папа? Мой прекрасный, внимательный папа... Он всегда замечал, что мои Футболки Дня – ЭфДэ, как называл их Рид, – означают, что я пытаюсь справиться с чем-то.

– Готова? – Рид взмахнул своей белой футболкой, словно флагом, пряча переднюю ее часть. Это был мой любимый крой, который изготавливали на папиной фабрике, нечто уютное и мягкое, от чего хотелось свернуться рядом с Ридом калачиком и включить страшное кино.

Я уже выскользнула из своего испорченного платья и нырнула в футболку со свежим принтом. Прижав колени к груди, я села на постели, пряча слова, которые распечатала на футболке десять минут назад.

Адреналин улетучился по дороге домой, и большую часть пути я провела, притворяясь, будто все в порядке, тогда как все, чего мне хотелось, – повернуть время вспять и заставить Эйбла Картрайта заплатить за то, что он сделал.

Я не была всепрощающим человеком. Я цеплялась за обиды и пестовала их, словно любимых питомцев, никогда не забывая кормить, развлекать и составлять им компанию. Мне нужна была месть, или всю оставшуюся жизнь я проведу, постоянно вспоминая все подробности прикосновений Эйбла.

Рид выключил принтер и принялся расстегивать свою рубашку. Я притворилась, что отвела взгляд от мускулов, которых не должно быть у юноши его возраста и, в самом деле закрыв глаза, ждала, пока он нырнет в футболку и натянет ее на торс.

– Готов.

Я провела пальцами по собранным в пучок волосам, прежде чем вылезти из-под одеяла, прикрыв грудь ладонями.

Хотелось закатыть глаза от этой детской игры, в которую мы часто играли, но я не стала этого делать, потому что сама мысль о том, что однажды мы уже не будем в это играть, пугала меня. Я хотела до глубокой старости делать с Ридом дурацкие футболки.

Рид шагнул ближе к кровати.

– Один... два...

На счет «три» с отработанной синхронностью он перевернул футболку, а я опустила руки. Мы упали на простыни, размахивая руками, смех наполнял вены счастьем, а счастье залило щеки краской, когда мы поняли, что напечатали на наших футболках одно и то же.

«У ЭЙБЛА КАРТРАЙТА МАЛЕНЬКИЙ ЧЛЕН».

Это было забавно, но не *настолько*. Хотя я понимала, что он пытался сделать. Отвлечь меня от того, что случилось, единственным известным ему способом. Я была признательна, но ничто, кроме страданий Эйбла, не могло прекратить дрожь моих пальцев.

– Ты лучший мой друг, Рид. – Слова сорвались с легким вздохом, который не должен был прозвучать.

Я ждала, что пожалею о сказанном, но не ощутила ничего подобного.

Вместо этого комнату заполнило другое чувство. Я не осмелилась назвать его, когда оно охватило меня, заставляя мою руку искать руку Рида. Наши пальцы соприкоснулись, но я отдернула ладонь и притворилась, что все это произошло случайно, когда я стряхивала несуществующую ворсинку.

Тонко.

Рид перевернулся на живот и внимательно посмотрел на меня. Его золотые локоны были такими же, как у меня, хотя у него они были натуральными, и оба его глаза были голубыми, в отличие от одного моего. Я хотела провести пальцами по его векам так, чтобы он закрыл их, а потом поцеловать.

Я никогда не умела особо сдерживаться, но сдерживалась с Ридом, поскольку рисковала слишком многим. Даже когда я хотела обнять его, овладеть им, целовать его, я сдерживалась.

Его пальцы играли с кончиками моих волос, поднимая их к моим щекам и щекоча меня ими.

– Ты в порядке, Эм?

Я потянула его за ухо, надеясь, что он прекратит и забудет о своем вопросе, но он этого не сделал. Он будет повторять его снова и снова, пока я не выговорюсь.

Прескотты были безжалостной семейкой.

Бетти могла допросить террориста, вооружившись лишь щербатой улыбкой и домашним яблочным пирогом.

Добрый взгляд Хэнка служил оружием массового поражения.

Рид никогда в своей жизни не слышал отказов.

А Нэш... Нэш был Нэшем. Ему достаточно было просто быть, чтобы все спешили угодить ему. У него была харизма, которую невозможно было купить за деньги.

«Овцы тянутся к привлекательным людям. Привлекательность – не то, чему можно научиться, с этим можно только родиться», – сказала мне мама после того, как Бэзил пригласила на свое десятилетие всех одноклассников, кроме меня. Мать смотрела на меня свысока, в голосе ее звучало разочарование: «Я привлекательна, ты – нет. Я возглавляю «Общество молодежи», а ты – изгой. Возможно, тебе стоит научиться быть овцой».

Существование Нэша пробивало брешь в теории матери. Он был одновременно отталкивающим и притягательным. И плевать на овец. Я хотела быть, как он, когда вырасту.

– Ты в порядке? – повторил Рид.

Нет.

Да.

Я не знаю. Физически – в порядке. Морально? Немного потрясена и ужасно хочу возмездия. Но Рид в душе был пацифистом, и я понятия не имела, что он скажет, если узнает, что я бы сделала с Эйблом, попадись он мне.

Перед офисом меня успокаивал адреналин, но теперь, когда я была дома, тело требовало борьбы, чтобы унять бесконечную дрожь.

– Да, – наконец выпалила я. Когда Рид так и не отвел от меня пристального взгляда, я откинула волосы с лица и села. – Правда. Я в порядке. Я бы не стала врать тебе.

«Только недоговаривать...»

Я вдруг подумала, что моя ложь – словно затор на перекрестке. Одна за другой, одна за другой, я должна была остановиться, но альтернатива – то есть правда – нравилась мне гораздо меньше.

– Ты уверена?

– Да. Прекрати спрашивать, Рид. – Я выразительно закатила глаза, бросила взгляд на часы и скользнула под одеяло, надеясь, что он оставит тему.

Понаблюдав с минуту, как я притворяюсь спящей, он действительно оставил ее. Честно говоря, Эйбл Картрайт меня не беспокоил. Я дала ему отпор, я его остановила. Я выиграла.

Эйбл Картрайт был тараканом. Нелепо было пытаться сокрушить его, поскольку, условно, его уничтожит сама жизнь.

В конце концов, тараканы умирают.

А эта влюбленность, с другой стороны?

Я перепробовала все, от встреч с другими парнями до поцелуев со Стеллой Коупленд в ее платяном шкафу, и это были семь райских минут.

И все же чувствовался сердечный ритм этого глупого чувства.

Вибрирующий. Громкий. Пульсирующий жизнью.

И я не хотела убивать его.

Глава 4

Эмери

«Я не понимаю!»

«Что происходит?»

«Прекратите, пожалуйста! Я вас умоляю».

Крики нарушили мой сон. Я потянулась, в беззвездной темноте мои руки нашли пустые простыни. Рид ушел. Я скрестила пальцы, понадеявшись, что папа его не застукал, когда он выходил из моей комнаты. Я скорее брошусь на клинок, чем позволю Риду пострадать за то, что он сделал меня счастливой.

Натянув под футболку шорты, я заставила себя встать с кровати и выйти в коридор. Мои руки обхватили плечи, и я задрожала от холода, проклиная маму и ее стремление не поднимать температуру кондиционеров выше восемнадцати с половиной градусов.

«Только бедняки страдают от жары, дорогая».

Я пошла на звук голосов из гостиной. Зевок был подавлен, как только я заметила обоих моих родителей, Хэнк и Бетти Прескотт, Рида и Нэша. Они стояли, прижавшись к стенам комнаты, словно на выставке в Музее мадам Тюссо, застыв в разной степени ярости и тревоги.

Особняк Уинтропов являлся сочетанием холодного мрамора и деревенской простоты. Рид шутил, что папа – это фермерский дом, а мама – холодный мрамор.

Этим вечером мрамор взял верх, и мы стояли внутри гробницы среди статуй, золота и серебра: мумифицированные, ожидающие, когда жизнь двинется дальше, забыв о нас.

Я потеряла заспанные глаза и осмотрелась так быстро, как могла. У матери был ее обычный застывший взгляд. Па стоял, словно внедорожник: внушительный, скрестивший руки на груди, будто спрашивал, осмелится ли кто заговорить с ним.

Дрожь сотрясала полное тело Бетти. Хэнк переводил взгляд с Бетти на Нэша, чьи ослабленные плечи говорили о скуке, но инстинкты подсказывали мне не обманываться этим. Он был заведен сильнее, чем все остальные.

Все волоски на моих руках встали дыбом, когда я сосредоточилась на Риде. В наручниках рядом с братом, ярость исказила его лицо. Я едва узнала его с этим хмурым взглядом.

Перед камином, уперев руки в бока, наперебой говорили два детектива с гордо выставленными полицейскими значками. Я как будто попала в фильм о Грязном Гарри, только вместо Клинта Иствуда заполучила дешевых актеров и обезумевшую мать-южанку (Бетти, не Вирджинию – моей матери было плевать).

– Рид? – Мой голос заставил всех замолчать.

Оба детектива одновременно внимательно посмотрели на меня. Мне не хотелось думать, как я выгляжу с тушью на щеках и взлохмаченной головой, с руками, обхватившими плечи в попытке согреться, и с ногами в ярко-розовых зайцах-тапочках, которые Рид подарил мне в качестве шутки в прошлом году.

Не думая об этом, я повернулась к Риду.

– Что происходит? – Мои глаза опустились на наручники, охватывающие его запястья. – Почему ты в наручниках?

– Эйбл в госпитале. – Голос принадлежал Риду, но звучал чужим. В нем звучала ярость, едва прикрытая, ищущая выхода. – Он пришел в себя ровно настолько, чтобы сообщить полиции, что его избил я.

Один из детективов подошел к Риду.

– Это признание?

Его взгляд задержался на футболке Рида с надписью «У Эйбла Картрайта маленький член», и я поняла, что мы их так и не сняли. Отлично.

Нэш встал перед братом, закрыв его собой.

– Это не признание, потому что это сделал я.

Второй детектив покачал головой. Его волосы, собранные в пучок на затылке, подпрыгнули в такт.

– Мистер Прескотт, вы ожидаете, что я поверю, будто вы напали на мальчика на десять лет младше вас, с которым вы не общаетесь, не ходите в одну школу и даже не живете в одном городе? Позвольте мне напомнить вам, что воспрепятствование следствию незаконно, а жертва уже назвала нападавшего.

– Нэш! – Бетти переводила взгляд с одного сына на другого, брови ее от отчаяния сошлись горной вершиной. – Ты не возьмешь на себя ответственность за то, чего не делал.

– Ма...

– *Нэш.*

Их пристальный обмен взглядами длился целую минуту. Напряжение витало в воздухе, и никто не осмеливался даже громко дышать. Тем временем я опустила голову, не в силах понять. Рид не был жестоким. Это больше походило на Нэша, который, если верить сплетням Бэзил, мог бы ударить человека за то, что тот не так на него дыхнул.

Рид был пацифистом. Он проявлял свою агрессию на футбольном поле. Даже когда он был полузащитником, я не видела, чтобы он с кем-нибудь дрался. *Никогда.* А я ходила на все его игры с тех пор, как его мать стала нашей экономкой, а отец вошел в штат садовником.

Однажды на футбольном поле вспыхнула драка, и Рид первым отошел к боковой линии, дожидаясь, пока она утихнет. И все же он дрался из-за меня. Вернулось чувство удовольствия, словно воздушный шарик в груди, наполнивший воздухом пространство вокруг сердца.

– Детективы...

Папа сделал шаг вперед, вынул сигару из нагрудного кармана и зажигалку из заднего, щелкнув ей. Мы ждали, пока он наклонит сигару над огнем, не торопясь провернет ее, раскурит.

Когда папа говорил, все слушали. Так было всегда. Он сказал всего лишь одно слово, и все замолчали. Даже когда он поднес сигару к губам, затянулся, задержал дым и выдохнул, мы ждали.

Люди на сегодняшнем котильоне? Они были богаты, потому что отец сделал их такими. Все в городе – богатые, бедные – вкладывались в имя «Уинтроп». Чем богаче становились мы, тем богаче становились они.

Детективы знали отца. Они обменялись взглядами, и с их губ не слетело ни одной жалобы на то, что он не торопится. Он опустил сигару. Дым окутал гостиную, принесся с собой тепло, которого ей не хватало.

Тишину наполнил стук дождя по крыше. Одно время мне нравился этот шум, пока мама не застала нас с Ридом танцующими под дождем, после чего я простудилась и болела три недели, потому что она отказывалась давать мне лекарства, пока я не пообещаю, что этого больше не повторится.

Отец вернулся из командировки через неделю после начала простуды. К тому моменту до моего дня рождения оставалась неделя, и я боялась, что он заставит меня отказаться от поездки в Диснейленд, если я скажу ему, что заболела.

Папа арендовал парк, и всю ночь я провела с Ридом на космических горках, притворяясь, будто меня не тошнит от резких остановок тележки.

Мама все знала, но она отвела меня в сторону и сказала: «Наказание – основа этой страны. Твое наказание – не в том, чтобы быть больной. А в том, чтобы страдать молча».

– Уверен, мы все проясним. – Папа шагнул ближе, выходя не принужденно, несмотря на царящее в комнате напряжение.

Он все еще был темноволос, с проседью на висках, что делало его скорее утонченным, чем старым. Однажды он пошутил, что мой серый глаз достался мне от него, а голубой – от мамы.

Как только он это сказал, мой серый глаз стал моим любимым, ведь это был глаз Гидеона Уинтропа. А он все умел сделать лучше, и сейчас сможет.

– Мистер Уинтроп, – детектив с пучком на затылке пригладил короткие волоски у лба, смахнув пальцами пот, – при всем уважении... – Он замолк, когда отец прервал его.

– При всем уважении, вы в моем доме в полночь, без ордера. – Папа поднес сигару к губам, закончив: – Я говорю вам, что мы все проясним, и вы меня выслушаете.

Он затаился.

– Мистер Уинтроп, кого-то нужно арестовать сегодня. – Детектив бросил взгляд на футболку Рида, закашлявшись, когда папа выпустил дым в его направлении. – Пятнадцатилетний мальчик в госпитале со сломанным носом, ребром и ногой, с трещиной в ключице и с вывихом плеча.

Мама ахнула, и мне потребовались все силы, чтобы не сделать так же.

Матерь божья.

Рид сделал это?

Из-за меня?

Тук.

Тук.

Тук.

Щеки мои зарделись, когда я поняла, как быстро забилося мое сердце. Я крепче прижала руки к груди, как будто так могла защититься от своих чувств. Тщетно. Ничто не могло защитить меня от них.

Такова наша судьба: детская наивность, омраченная тьмой.

– Его отец, Эрик Картрайт, мой адвокат... – Папа замолк, как только заметил, как я вздрогнула при упоминании отца Эйбла. – Эмери... – Гневный взгляд опустился туда, где я скрестила руки. Он опустил сигару и шагнул ко мне. – Что написано на твоей футболке?

Я отступила на шаг и подумала, сколько будет стоить переехать в Эритрею и открыть там морскую ферму. Или куда-нибудь, где меня не сможет найти никто, кроме Рида. Мы будем жить, продавая креветок и рыбу белянку, и, вероятно, умрем, не дожив до двадцати лет, от отравления ртутью, но лучше уж так, чем смерть от унижения.

– Пап. – Я почти пожала плечами, но лишь крепче стиснула скрещенные на груди руки. Так у меня никогда не вырастут сиськи: я задушила растущие клетки в зародыше. – Это не важно.

– Эмери.

– Прошу.

– Эмери.

Еще один шаг назад, и моя пятка натывается на стену, потому что я, очевидно, не знаю, как выйти отсюда по прямой. По правде говоря, не нужно было даже показывать ему эту надпись.

Он и так знал, что там написано.

Все заметили ярость в его взгляде. Мои руки дрожали. Я поддалась неизбежности и опустила их. Не то чтобы я стыдилась того, что со мной случилось. Я не хотела, чтобы это преследовало меня.

Как только узнает кто-то один, узнает весь город. Так обстояли дела в Истридже. И люди всегда, *всегда* сваливали вину на девушку. Поскольку вся истриджская молодежь поедет со мной и Ридом в Дьюкский университет, я навсегда останусь девушкой, которая разрушила жизнь Рида и, вероятно, Эйбла.

Моя, и только моя вина.

Папа был хорошим человеком. В большинстве случаев рассудительным, а иногда даже рациональным, в отличие от большей части местной элиты. Он не станет винить меня. Рид не станет винить меня. Не станут Хэнк и Бетти. Черт, я знаю, что даже Нэш не опустится до такого. Но мать? Два детектива, с которыми я только что познакомилась?

Я чувствовала себя уязвимой, когда без возражений выложила свои секреты на стол. Я должна была сказать что-то или объяснить, что ничего такого не случилось. Вместо этого я выбрала молчание, потому что знала – это последнее мгновение тишины перед тем, как у отца сорвет крышу и он уничтожит Картрайтов и, возможно, весь Истридж вместе с ним.

Два детектива посмотрели на мою футболку, собираясь с мыслями, прежде чем Рид и Нэш дружно заслонили меня собой. Я оглядела братьев, но позволила им спрятать себя.

Папа вынул свой телефон и набрал номер.

– Эрик. В мой домашний кабинет. Немедленно.

Классический папа.

Всегда защищает меня.

Мне хотелось схватить его за руку, потащить в тематический парк «Гарри Поттера» и напиться там с ним сливочного пива. Или танцевать под дождем без музыки, вытесняя воспоминания об Эйбле нелепым танцем отца из фильмов восьмидесятых.

Папа повернулся к Хэнку и Бетти, бросил сигару на пол, раздавил ее каблуком и проигнорировал раздраженный вздох матери.

– Эрик Картрайт едет. Насколько я понимаю, ваш сын не сделал ничего плохого, и Эрик согласится со мной. Обвинений не будет предъявлено. – Он произнес это с такой уверенностью, что я поверила ему. Ему и тому, что он – Гидеон Уинтроп, а в Истридже это значило все.

Детективы даже не стали спорить, когда он попросил их снять с Рида наручники и подождать у него в кабинете. Удовлетворение разлилось у меня внутри. Я не собиралась рассказывать папе о том, что случилось, потому что не собиралась уделять этому внимания больше, чем того заслуживал Эйбл, но месть приятно покалывала кончики пальцев. Они горели желанием сровнять с землей, разрушить, разорить.

Я задавалась вопросом, не так ли чувствовал себя Нэш, прокладывая собственный путь, делая все, что заблагорассудится, не заботясь о последствиях. Когда он играл в футбол за Истриджскую подготовительную школу, он затевал драки с игроками, талисманом команды, рефери, не задумываясь о последствиях. Или, возможно, он думал о них, но не придавал им значения.

Он прогуливал уроки, чтобы быть найденным за спортзалом вцепившимся в рубашку старшекласника. И я никогда не забуду эти ночи на кухне, как, с полной ложкой мороженого во рту, я видела кровь, капающую с его кулаков на пол, когда он пытался и не мог остановить ее льдом и полотенцами.

– Дорогой... – Мать опустила ладонь на плечо папы, достаточно жестко, чтобы его рубашка смялась от ее прикосновения. – Гидеон, не глупи. Подумай об этом. – Она провела ладонями по его плечам и вниз по рукам. Все шесть карат подаренного на помолвку кольца подмигнули мне, зажатые меж двойным, инкрустированным бриллиантами обручальным. – Картрайты – прекрасные люди. Что будет с «Уинтроп Текстиль»? Эрик Картрайт знает все тайны компании.

Ярость, соединившись с глотком воздуха, разрослась в моей груди, на мгновение ослепив меня. Я изо всех сил пыталась сфокусироваться. Уставилась в спины братьев Прескотт и сосчитала от десяти до одного, позволив себе на мгновение спрятаться за ними, обдумывая все в молчании.

«Успокойся, Эм. Не говори ни слова. Пусть думает, что побеждает. Папа все уладит».

Люди считают, что сила должна быть громкой. На самом деле сила – это тишина. Это стойкость, воля никогда не отказываться от своего достоинства. И иногда единственный, кто знает, что внутри вас есть сила, это вы сами.

Мышцы Нэша напряглись. Казалось, он сжался, готовый взорваться. Я не знала, что делать, но чувствовала, что обязана ему. Прикоснуться к нему было странно. Запретно. Как будто я нарушала границу, о существовании которой меня никто не предупреждал. И все же я опустила ладонь ему на спину, надеясь, что это утешит его так же, как они с Ридом утешили сегодня меня.

И все равно он напрягся лишь сильнее, пока я не начала рисовать пальцем на его спине невидимые линии, играя с собой в крестики-нолики. Нэш повернул голову и вскинул бровь в мою сторону, но мышцы его расслабились. Кривая усмешка тронула мои губы. Я провела пальцами по воображаемой сетке, делая вид, будто касаюсь спины Рида.

– «Уинтроп Текстиль»? – Папа повысил голос и повернулся лицом к маме. Его каблук растер сигару по мрамору, рассыпав темный пепел, словно осколки разбитой урны. – Эйбл Картрайт причинил боль нашей дочери, а ты волнуешься об «Уинтроп Текстиль»?

– Да, волнуюсь. И тебе следовало бы. – Я могла себе представить, как она размахивает руками, указывая на холодный мрамор гостиной. – Как, ты думаешь, мы можем позволить себе все это?

Я выглянула из-за спин Рида и Нэша как раз вовремя, чтобы увидеть, как папа пронзил маму таким взглядом, что можно было решить, будто он ее ненавидит. Я не любила мать, но отец казался раненым, преданным – чувства в нем смешались так, что мне больно было смотреть на это.

– Что, если мы ничего не сделаем? – Я прислонилась лбом к одному из братьев. – Что, если...

Я представила Рида в колонии для несовершеннолетних, этого златовласого, бронзовокожего красавчика. Он не продержится там. Он выйдет измученным и таким же, как... как Нэш.

– Что, если мы найдем способ сделать так, чтобы все это исчезло? – закончила я на этот раз громче, выглянув из-за своей стены из братьев.

Бетти Прескотт взглянула на меня с благодарностью, надежда в ее взгляде мешалась с чувством вины. Я могла ее понять: она должна была любой ценой защищать сыновей. Я тоже разделяла ее надежду.

– Чудесная мысль, дорогая. – Мать шагнула вперед, бодрость вернулась в ее шаг, она дважды хлопнула в ладоши. – Позволь мне поговорить с Эриком. Мы все уладим. Никто не будет выдвигать никаких обвинений. Как будто ничего не случилось.

Вот только кое-что все же случилось.

Со мной.

Ее это вообще волнует?

Веселясь и делая с Ридом дурацкие футболки, я отодвинула от себя эту ночь, но стоя тут, уязвимо, на глазах у всех... то, что едва не случилось, тяжело ударило по мне. Я спряталась за Прескоттов и упала на Рида.

Широкая ладонь оказалась на моей спине и поддержала меня, и я поняла, что на самом деле упала на спину Нэша.

Он оглянулся через плечо и прошептал:

– Тише, Тигр.

Я уставилась в его глаза, пытаюсь понять, что он пытается сказать мне этим взглядом. Перед ним ругались мои родители, но я сосредоточилась на братьях Прескотт, мои пальцы нашли опору в руке Рида и словах Нэша.

– Почему Тигр? – спросила я.

У нас стоял один в фойе, но я никогда особо о нем не думала. На нем восседало безвкусное изваяние Диониса с серебристой кожей, на задних лапах тигра были выгравированы символы культа Диониса, и я не ассоциировала себя ни с чем подобным.

– Просто такое выражение, – предположил Рид, не глядя на нас. Он сверлил глазами Бетти и Хэнка. Его ярость не уменьшилась, но, по крайней мере, я знала, что она направлена не на меня.

Нэш покачал головой.

– Ты Тигр.

Я ждала, что он объяснится, но он не стал.

– Когда ты говоришь так, я не понимаю, то ли это комплимент, то ли ты смеешься надо мной.

Он покачал головой, беззвучно хохотнув. Веселье в его взгляде дарило легкость, за которую я уцепилась.

– А может, то и другое разом?

– Гидеон! – Мать закричала. Ее пронзительный голос разрушил чары Прескотта. – Мы не поставим этим под угрозу наши отношения с Картрайтами!

– И ради этого ты готова поставить под угрозу отношения со своей дочерью?! – в крикнул он ей вслед, но она уже вышла из комнаты, направившись в кабинет.

Наконец папа повернулся ко мне, Риду и Нэшу.

– Ты в порядке? Эйбл... – начал он, но остановился, как будто осознав, что мы не одни.

Я закусила нижнюю губу, чтобы та не дрожала. Уинтропы сильные.

– Ничего не случилось, папа. Он пытался, но... – Я смолкла, чувствуя себя глупо, поскольку я все еще пряталась за братьями Прескотт, хотя и не сделала ничего плохого. Я шагнула в сторону и посмотрела папе в глаза, подбородок мой был вскинут, а голос тверд.

– Я в порядке. Честно. И если Эйбл в больнице, он получил то, что заслуживает, хотя, мне кажется, я и так неплохо саданула его по яйцам. *Дважды*. Простите за грубость. – Я прислонилась к Риду, и он обнял руками мои плечи. – Кстати, пап, эти надписи точны. У Эйбла Картрайта маленький член, а теперь еще и миллион сломанных костей в придачу. – В молчаливой благодарности я стиснула ладонь Рида на моем плече.

Папа внимательно посмотрел, ища в моем лице признаки лжи.

– Узнаю свою девочку, но мне этого недостаточно. – Он покачал головой. Кому-то было не все равно. Тепло разлилось у меня в груди. – Он заслуживает тюрьмы.

– Нет.

– Эм?

– Если я выдвину обвинения, он выдвинет обвинения против Рида. Ты это знаешь.

Папа и Нэш выругались одновременно. Папа провел ладонью по лицу и переступил с ноги на ногу.

– Прошу, папа, сделай это для меня, – добавила я.

Воцарилось молчание. Наконец он смягчился и перевел взгляд на Нэша, как будто тот был лидером нашей маленькой троицы.

– Будьте все трое в комнате Эмери, не хочу, чтобы Картрайт вас видел, когда появится. Ладно? От этого все станет только хуже. Я приложу все силы, чтобы уладить случившееся.

– Да, пап.

– Хэнк, Бетти, прошу присоединиться ко мне в кабинете.

Как только комната опустела, Рид вцепился в горло Нэша.

– Что за херня, чувак?

Я успела заметить короткую вспышку раскаяния во взгляде Нэша, и даже с сигаретой в уголке рта он не мог бы казаться спокойнее.

– Извини.

Тихо произнесенное слово.

Извинение, которого я не поняла.

Тем не менее я стала свидетелем этой сцены, незванным гостем, которого они не потрудились заметить. Рид сильнее сжал горло брата, прежде чем отпустить его.

– Да пошел ты. – Он покачал головой. – И мать с отцом в придачу. – Он прошел к задней двери, игнорируя требование моего отца спрятаться.

Игнорируя меня.

– Рид! – Я бросилась за ним, но меня дернули за футболку. Я шагнула назад, и Нэш отпустил меня, не обращая внимания на то, что я врезалась в стену.

– Пусть идет.

На мимолетную секунду мне захотелось стать Нэшем Прескоттом. Я хотела иметь те химические вещества, которые были в его мозгу и позволяли отпускать небезразличных ему людей.

Но я не была Нэшем.

Я была Эмери Уинтроп.

А Эмери Уинтроп?

Она поняла, что ее влюбленность в Рида Прескотта не так незначительна, как ей казалось.

Она зудела в моем сердце.

Я хотела разорвать свою плоть и вырвать ее из груди.

ЧАСТЬ 2

Преданный

1. Проникнутый постоянством, верностью.
2. Изменнически выданный.

Преданный – это конроним, слово, противоположное само себе. Если вы преданы чему-то, вы сохраняете ему верность. Если вы преданы кем-то, ваше доверие обмануто.

«Преданный» – напоминание о том, что слова придумываются людьми, а люди иногда совершают ошибки.

Ошибки могущественны: не потому, что в них есть сила разрушить вашу жизнь, но потому, что в них заложена возможность сделать вас сильнее.

Худшие ошибки становятся величайшими уроками, и тот, кто получает их... предан.

И ваша задача – понять, в каком значении.

Глава 5 Эмери, 18; Нэш, 28

Эмери

В Истридже редко бывают беззвездные ночи. Они напоминают мне золотых тигров: одни на миллион, порази тельные, опьяняющие. Как и золотые тигры, эти ночи казались чем-то большим, будто пустота в небе намекала, что я могу заполнить большее пространство.

Рид как-то сказал мне, что беззвездные ночи – это знак тайн, которыми нужно делиться. Бездонная тьма дает защиту, и, как он сказал, если я собираюсь поведать кому-то тайну, нужно делать это под беззвездным небом.

Нам было девять, и Тимоти Григер тайно подарил мне валентинку, которую Рид умолял показать ему. Я так и сделала, пробравшись в лабиринт деревьев на заднем дворе и с горящими щеками вручив ее Риду.

А потом мы поняли, что на улице слишком темно, чтобы читать ее под полускрытой луной в беззвездную ночь.

Кончилось тем, что мы прислонились к статуе Геры в центре лабиринта и я на память пересказала ему открытку. Это была одна из тех пустых открыток, купленных в магазине, где первые пять строк уже были напечатаны, и Тимоти, мать его, Григер должен был придумать последнее слово, и он написал «какашки» коричневым карандашом рядом с картинкой, где решил изобразить чемодан.

Дорогая Эмери,
Люблю тебя сильнее птиц,
И не найти мне слов.
Люблю тебя сильнее солнца
И свежих пирогов.
Люблю тебя сильней какашек.
Люблю, Тимми.

Поэтично.

Он даже смог правильно написать мое имя.

Казалось логичным, что все эти годы спустя беззвездная ночь заставила неметь мои пальцы, когда я решила выдать Риду самую свою главную тайну.

«Если хочешь встречаться с парнем, который не принадлежит твоему отцу, придется покинуть штат», – напомнила я себе, пробираясь из особняка отца в дом для прислуги.

Холодная зима Северной Каролины дразнила меня, пощипывая голые руки. Будто пытаюсь сказать мне что-то. Может, даже остановить.

Я подняла телефон и перечитала сообщение Рида, дважды, чтобы убедиться.

«Я порвал с Бэзил. Окончательно на этот раз».

Надежда наполнила все тело нитями возбуждения и предвкушения, и я игнорировала ту часть меня, которая велела развернуться, чтобы сохранить нас, поскольку, как только я признаюсь ему в любви, дороги обратно не будет.

Мы уже никогда не будем просто друзьями. Либо он чувствует то же, и мы станем парой, либо нет, и тогда нечто неловкое и уродливое омрачит то, что останется от нашей дружбы.

«Не беспокойся, Эмери. Ты знаешь, что делаешь. Оно того стоит».

К тому же я никогда не боялась рисковать. Сначала делала, а потом разбиралась с последствиями. Только на этот раз я могла потерять очень многое. Тревога цепью сковывала ноги, замедляя их с каждым шагом.

«Меланхолия.

Лакуна.

Калон».

Я тихо бормотала слова, которые всегда заставляли меня чувствовать себя счастливой. Я выключила телефон, чтобы он не зазвонил в доме Рида. Поскольку у меня не было карманов, я опустила его в деревянный почтовый ящик Прескоттов, тот самый ящик, который Хэнк Прескотт сделал когда-то у нас с Ридом на глазах.

Хэнк позволил нам покрасить его. В итоге ящик стал ярко-синего цвета, с логотипом Дьюкского университета на половине Рида и черным, с увядшими бронзовыми розами – на моей. Бетти притворилась, будто ей нравится, тогда как Хэнк расхохотался, потрепал меня по голове и сказал, что я – «что-то с чем-то».

Крошечный трехспальный коттедж Прескоттов, втиснутый рядом с беседкой в виде пурпурного сердца, по сравнению с особняком родителей был муравьиных размеров. Я сунула ключ в замок задней двери и провернула его как можно тише. Дверь скрипнула, как и доски под моими ногами, когда я проскользнула через кухню и прокралась в комнату Рида, – воспоминания позволяли мне ориентироваться без света.

«Ты уверена?»

Я почти слышала, как Рид задает мне этот вопрос, его акцент западал прямо в сердце. Он был очень осторожен, он всегда прикрывал мою спину, когда я прыгала. И он всегда ловил меня.

Всегда.

Коленки, поцарапанные бесчисленное количество раз, и созвездие выцветших шрамов на моем теле рассказывали истории детских приключений, но молчали о золотоволосом мальчике, что всегда был рядом, даже когда моя мать насмеялась над ним и отпустила замечания по поводу его поношенной одежды, как будто она сама не могла платить Прескоттам те деньги, которых они заслуживали.

Если бы домашними делами заведовал отец, а не мать, ручаюсь, Рид никогда бы не ходил в поношенной одежде, а я могла бы чаще обедать у Прескоттов без чувства, будто отнимаю у них последнее.

Итог: Рид защитил меня. Шрам на лице Эйбла Картрайта доказывал это. Каждый раз, когда я проходила мимо Эйбла по коридорам Истриджской подготовительной школы, дрожь бежала у меня по спине.

Всякий раз рядом с Ридом внутри у меня все обрывалось, словно сошедшая лавина, а сегодня я собиралась переспать с ним.

– Ты не спишь? – Я поморщилась. Мой вопрос звучал неуверенно, но протяжный южный голос все равно раздался в комнате громче, чем хотелось бы.

Я протиснулась в небольшое помещение и закрыла за собой дверь, не потрудившись включить свет. Не стоит будить мистера и миссис Прескотт. Лунный свет не проникал сквозь задернутые шторы, но я была в комнате Рида достаточно часто, чтобы добраться до его широкой кровати не споткнувшись.

– Просыпайся, – настаивала я, не вполне понимая, что скажу ему, когда он и в самом деле проснется.

Я планировала эту речь, когда летела домой с зимних каникул в Аспене, но сейчас, перед постелью Рида, это казалось глупым. Что-то подобное сказала бы Нэшу одна из его поклонниц, проведя с ним ночь.

«Ты такой сексуальный, Нэш».

«Что ты со мной творишь, Нэш».

«Мне кажется, я люблю тебя, Нэш».

Мы с Ридом прижимались ушами к двери его спальни, наши щеки розовели, когда мы слышали то, что не было предназначено для наших юных ушей. После того как он прогонял их, а он всегда делал это, они уходили в слезах, мы притворялись, будто ничего не замечаем.

Простыни зашуршали, когда я села на край постели и слегка потрясла Рида за плечи. Он пошевелился и застонал, прежде чем снова улечься.

– Это я. – Я выдохнула всю свою неуверенность, сократила расстояние между нами и сделала свой ход, оседлав его обнаженную грудь прежде, чем он успел сказать хоть слово. – Ничего не говори. – «Не останавливай меня». – Прошу. Я просто. Я слишком долго ждала. Я хочу этого. Я хочу *тебя*. Сейчас.

Он не ответил, так что я снова потрясла его за плечи и прошептала:

– Просыпайся.

Стянув с себя шелковый халат, я швырнула его на пол. Я чувствовала себя настолько голой, что мне казалось, будто на мне уже нет ни кружевного бра, ни подходящих к нему трусиков. Руки Рида нашли узкий изгиб моей талии – лениво, как будто он еще не проснулся. От одного размера его ладоней я почувствовала себя маленькой.

Я потерлась о его широкую грудь. Его тело было вырезано резкими, мраморными, дерзкими гранями. Это было открытием. Подтянутый пресс и грубые ребра под моими ладонями. Энергия, которую он излучал, вибрировала вокруг нас, словно землетрясение.

Я прижалась губами к его губам, а в следующий момент он уже был сверху, перевернув меня с рвением, на которое я и не могла надеяться.

– Долго же ты ждала.

От его слов предвкушение разлилось по телу, словно тлеющие угли, разжигающие огонь. От возбуждения его голос звучал глубже, он застонал, как взрослый мужчина, когда я потянулась между нами и провела по нему рукой.

«О боже».

На нем не было белья.

Рид был больше моего бывшего. Я не была уверена, что он поместится внутри меня, но моя решимость не позволила этому остановить меня. Я снова погладила его. Я искала губами его губы, но поймала в темноте его щеку.

Короткая щетина царапнула мой подбородок, я не привыкла видеть его небритым, но я не видела его с тех пор, как две недели назад уехала на зимние каникулы. Я попыталась поцеловать его в губы. Он не позволил мне. Он схватил одной рукой оба моих запястья и, удерживая их одной ладонью над моей головой, всосал через бра мои соски.

– Кажется, они стали больше. – Он лизнул меня под грудью и прошептал в кожу: – Пластика? – Он говорил так тихо, что я почти уверила себя в том, что ослышалась.

– Нет... – Я ответила еще тише, почти придушенно, надеясь, что он меня не расслышит и прекратит расспросы.

– Хм-м-м... – промычал он в изгиб моей шеи, и я снова услышала, как он говорит, прижавшись к коже: – Я не занимаюсь сексом в «эти дни». Слишком грязно.

«Что за черт, Рид?»

– У меня нет месячных...

– И сексом с беременными – тоже.

Я была уверена, что уж в этот раз точно расслышала его неверно, но не собиралась просить его повторить громче.

Я снова погладила его, надеясь, что он просто заткнется и прекратит портить момент. Он ткнулся мне в ладонь и укусил меня в шею, оставив засос. Он двигался уверенно. Опытно. Как будто точно знал, как ласкать мое тело.

За все годы, что я представляла себе этот момент, я никогда не думала, что он будет таким диким, таким инстинктивным, таким прекрасным. Я не знала, это я проделала большую работу, убеждая себя, что мы предназначены друг для друга, или это действительно была судьба, но ощущалось это именно как судьба, как вознаграждение, словно три тысячи кусочков головоломки сложились вместе.

Другая рука Рида исследовала мое тело так, как будто он точно знал, что с ним делать. Я всхлипнула, когда он сорвал с меня трусики, порвал, не задумываясь. Боль хлестнула по верхней части ягодиц, где трусики разорвались и оставили след на коже, но он не дал мне времени осознать это.

Это.

Это было лучше, чем все мои фантазии о Риде. Это была страсть. Это было желание. Это вселило в меня уверенность в том, что мой шаг стоил того. Я чувствовала, что нужна ему, и это, как ничто другое, вселяло в меня уверенность.

Пальцы Рида скользнули по внутренней поверхности моего бедра, и, обнаружив, что я теку, они скользнули внутрь с постыдной легкостью. Адреналин ударил в голову.

– Я так давно хотела тебя. Ты меня так возбуждаешь. Я такая, такая мокрая. Я думала о тебе, когда касалась себя в душе. В постели. В... – я помедлила, прежде чем призналась, – ...в постели моего бывшего.

Он издал звук, похожий на короткий смешок, собственнический полурык, ударивший прямо в сердце.

– К черту твоего парня.

– Бывшего, – поправила я.

– Плевать, – ответил он. После сна и от охватившего желания его голос все еще казался чужим.

Его палец выскользнул, и он толкнулся внутрь меня сам. Я закусила нижнюю губу, чтобы сдержать стон, прижалась лбом к его плечу и закрыла глаза, подаваясь навстречу каждому его движению. Одной ладонью он сжимал мою задницу, тогда как другой придерживал меня за талию.

Он перевернул нас так, чтобы я сидела на нем. Я никогда раньше не занималась этим в такой позе, но двигалась инстинктивно, терлась своим телом о его кожу.

– Умница. – Он откинулся на подушку, когда я положила ладони ему на грудь, оказавшись сверху. – Оседлай мой член.

В его голосе, делая слова практически неразличимыми, звучала хрипкая страсть, такая глубокая и непривычная, что я хотела исследовать ее, пока не узнаю так же хорошо, как знала его.

– Сейчас кончу, – выдохнула я.

В такой позе все ощущалось глубже, как будто он доставал до той части меня, о которой я даже не подозревала, и все мое тело балансировало на грани оргазма. Мои пальцы впились в кожу на его плечах. Он обеими руками поддерживал меня за талию.

Я хотела пометить его, заявить его своей собственностью, оставляя синяки и царапины по всей его груди, надеясь доказать этим, что все происходящее реально. Что завтра, когда мы оба проснемся, я смогу взглянуть на него и назвать его своим.

Рид поменял нас положениями, оседлав с такой силой, что постель содрогнулась, и я испугалась, что его родители застукают нас.

– О боже. – Я потянулась вперед, уткнувшись головой в его шею, и прошептала в его открытую каплями пота кожу: – Я кончаю. Я кончаю, Рид.

Он запнулся на мгновение, прекращая свои толчки, но я зашла уже слишком далеко, чтобы останавливаться. Я прижалась к нему сильнее и кончила, сжимая его внутри себя, впив-

шись зубами в его плечо, чтобы заглушить свои стоны. Он кончил вместе со мной, его язык лизнул край моего уха, когда он хрипло выругался.

У меня уже был опыт с другими парнями, но им никогда не удавалось заставить меня кончить. Неопытные подростки, с трудом добравшиеся до неуклюжего финала, в сравнении с животной страстью, с которой трахал меня Рид.

Может быть, чувства к партнеру меняют восприятие секса. Отчасти я считала, что секс с ним был лучшим, потому что я была влюблена в него, а я никогда раньше не была влюблена в кого бы то ни было. Но я отбросила эту мысль. То, как Рид двигался внутри меня, то, как его руки исследовали мое тело, то, как точно он знал, под каким углом входить...

Это не могло быть моей фантазией.

Мы идеально подходили друг другу.

Когда я отошла от наслаждения, мы погрузились в молчание. Рука Рида лежала на моем бедре, его пальцы скользили по складке, где встречались мое бедро и половые губы, до тех пор, пока руки у меня не покрылись мурашками. Я не осмеливалась шевельнуться, не желая прерывать это.

Тело мое охватывал хаос. Мне нужно было понять, что это значит. Все еще слегка эрегированный, Рид вжался глубже в меня, потянувшись к лампе на тумбочке, его дыхание было нервным от напряжения, которое я чувствовала кожей.

Я моргнула, проясняя затуманенный оргазмом взгляд, когда свет включился. Когда взгляд сфокусировался и я, наконец, посмотрела на него, я застыла. Шок бульдозером перепахал мое тело, он отбросил бы меня назад, если бы я все еще не сжимала его плоть.

Черные пятна застлали взгляд, на секунду мне показалось, что я потеряю сознание... и это было бы не так унижительно, как альтернатива.

Все что угодно было бы не так унижительно.

Это было практически невозможно осознать.

Хуже того, он все еще был внутри меня.

Это был не Рид Прескотт.

Это был Адонис ростом в шесть футов два дюйма, с карими глазами, короткими черными волосами и таким развратным взглядом, что если долго смотреть, то невольно представишь его обнаженным. Вот только он и в самом деле был обнажен, и, повторюсь, все еще. Внутри. Меня.

Нэш Прескотт.

Старший брат Рида.

Его почти тридцатилетний старший брат.

Глава 6

Эмери

– Из тебя течет на постель моего брата, – заметил Нэш, откидываясь на подушку и окидывая меня взглядом. Он казался раздраженным, как будто я была паразитом, который полностью разрушил его планы на выходные.

– Ты... Я... Что... – Я открывала и закрывала рот, словно рыба.

«Ты переспала с Нэшем Прескоттом.

Нэшем, мать его, Прескоттом.

И это было потрясающе.

Не паникуй.

Не паникуй.

Не паникуй».

Я паниковала.

Нэш зачесал волосы пальцами, перегнулся через меня, чтобы схватить мой халат, и швырнул его мне.

– Мать твою, просто расслабься. Мне казалось, чертов оргазм должен был тебя расслабить.

На какую-то долю секунды я осталась лишь с одной мыслью: «Ты не всегда был таким».

Может быть, с другими девушками, но не со мной.

Нэш был яростным защитником, парнем, который останавливался у моего столика со своим коричневым бумажным пакетом для завтрака, когда моя мама «забывала» дать мне деньги на обед. И хотя мы редко разговаривали, даже когда он делился своим обедом, меня всегда успокаивала мысль о том, что у меня есть два защитника: Рид и Нэш.

Все изменилось в ночь котильона. А после того, как копы едва не арестовали Рида, разрыв между ним и Нэшем стал необъясним. Они практически не разговаривали. А если и заговаривали друг с другом, то с такой теплотой, которая напоминала мне мои отношения с матерью.

Сердце мое сострадало Бетти, которая отчаянно пыталась все исправить. Вечеринки-сюрпризы. Домашние ужины. Семейные прогулки, которые они не могли себе позволить, пока один сын собирался поступать в университет, а второй – едва окончил аспирантуру.

Рид целиком сосредоточился на Бэзил, футболе и школе. А Нэш? Рядом с нами он становился другим Нэшем. Тем, кто оправдывал свою репутацию. Великолепным. Высокомерным. Невозможным. Всякий раз, приезжая, он проводил выходные, трахая всех скучающих домохозяек от двадцати до тридцати лет в Истридже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.